Юлия Ельнова-Эпифанцу

Кипрские хроники

Memento Mori,
или
Помни о смерти

рассказы и повести

книга 2

Юлия Ельнова-Эпифаниу

Кипрские хроники. Memento Mori, или Помни о смерти. Книга 2

Серия «Библиотека классической и современной прозы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60269176
«Кипрские хроники. Memento Mori, или Помни о смерти». Рассказы и повести. Книга 2. / Юлия Ельнова-Эпифаниу: Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков; 2020
ISBN 978-5-907254-86-2

Аннотация

Кипр… Райское место, которое влечёт своими пляжами с белым чистым песком и лазурной водой, белоснежными парусами роскошных яхт и шумом морского прибоя… Кажется, что здесь царит атмосфера абсолютного счастья, и именно сюда стремятся люди за исполнением своей мечты. Но обретают ли они это самое счастье?.. Герои представленных рассказов, каждый по-своему, также ищут здесь счастье, и у каждого оно своё. Для кого-то оно – в белоснежной яхте, для кого-то – в состоянии одиночества, а кто-то просто счастлив от того, что счастлив

его любимый человек… *И* кажется, вот оно, счастье, – оно так близко… Интригующие сюжеты рассказов держат читателя в напряжении до самых последних строк, а кульминация каждого из них удивляет и шокирует. Подчас в это не хочется верить, но… самое удивительное, что именно в ней заложены те самые невероятные события, взятые из реальной жизни…

Содержание

Об авторе 7
Не навреди… 9
Глава I 9
Глава II 15
Глава III 19
Глава IV 23
Глава V 32
Глава VI 42
Глава VII 47
Глава VIII 51
Глава IX 57
Глава X 65
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Юлия Ельнова-Эпифаниу Кипрские хроники. Memento Mori, или Помни о смерти. Рассказы и повести. Книга 2

Каждое утро думай о том., как надо умирать. Каждый вечер освежай свой ум мыслями о смерти. Воспитывай свой разум… Когда твоя мысль постоянно будет вращаться вокруг смерти, твой жизненный путь будет прям и прост. Твоя воля выполнит долг, твой щит станет непробиваемым.
Из заповедей японских самураев

Библиотека классической и современной прозы

В основе каждого повествования лежит реальное происшествие (или: инцидент, факт, случай). Однако все описанные события, персонажи, их характеры и судьбы являются художественным вымыслом автора. Всякое сходство с реальными событиями и лицами случайно.

© Юлия Ельнова-Эпифаниу, 2020
© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов,

поэтов и прозаиков, 2020

Об авторе

Юлия Ельнова-Эпифаниу – русская писательница, прожившая большую часть жизни на небольшом средиземном острове с богатейшей историей, овеянной мифами и легендами, – Кипре. Столкновение менталитетов, традиций и жизненного уклада всегда порождает интересные и необычайные события и приключения. Именно в духе «свой среди чужих, чужой среди своих» подтолкнула к написанию серии рассказов и повестей, описывающих судьбы людей из разных уголков мира. Волей слепого случая земной путь героев привёл их на остров богини любви и красоты Афродиты, а возможно, и трагически оборвался там. Прототипами персонажей послужили реальные личности, смерть которых, пусть иной раз страшная в своей нелепости и непредсказуемости, тем не менее наводит на мысль о некоем неизбежном фатуме или роке, к которому человека безрассудно влечёт его собственный неосознанный выбор на перепутье жизненных дорог…

Кипрские хроники. Memento Mori, или Помни о смерти

Рассказы и повести

Не навреди…

КЛЯНУСЬ Аполлоном-врачом, Асклепием, Гигией и Панакеей и всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению, следующую присягу… воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости…
(Клятва Гиппократа)

Глава I

Элени бежала по длинному светлому коридору больницы из одного отделения в другое. Ей срочно нужно было найти кого-нибудь из врачей. Одному из пациентов внезапно стало плохо, в то время как она разносила по палатам утреннюю дозу лекарств. И хоть уже было шесть тридцать утра и, по правилам, через полчаса должен был начаться обход, в ординаторской ей так и не удалось кого-либо найти. «Ну, конечно, это же общественная клиника, – с укором подумала она, – да ещё, можно сказать, провинциального городка! Кто тут будет особо перерабатываться! Сидят все на своих тёпленьких местечках государственных служащих, знают, что, что бы ни случилось, им за это ничего не будет! Всё остальное их мало волнует. А ещё врачи! Клятву своего знамени-

того греческого предка Гиппократа давали!»

Солнце весело заглядывало в высокие узкие окна, зарождался новый счастливый день, и девушка, хоть и измученная бессонным ночным дежурством, твёрдо была настроена не ложиться сегодня спать. В нынешнем году на первое июня приходилось сразу два праздника, имеющих для неё особое значение. Один из них – Международный день защиты детей – проводился ежегодно. И, как всегда, она принимала участие в его организации ввиду того, что была членом-волонтёром ЮНИСЕФ, Детского фонда ООН на Кипре. Второе событие относилось к религиозным праздникам. В этом году День Святой Троицы или Сошествия Святого Духа, празднуемый на пятидесятый день после православной Пасхи, выпадал на третье июня, понедельник. Но на Кипре этот праздник восходил корнями ещё к Старому Завету, к преданию о Всемирном Потопе и Ноевом ковчеге, и именно сегодня в Ларнаке открывался фестиваль в честь празднования Катаклизма, который должен был продлиться несколько дней. Нужно было обязательно успеть попасть и туда. Элени, с детства чувствовавшая тягу к церкви, когда-то серьёзно намеревалась уйти в её лоно и дать обет монашества. Но, несмотря на душевную склонность, энергия, бившая в ней ключом, радость жизни и любовь ко всему живому заставили её пересмотреть это намерение, и она решила посвятить свою жизнь служению людям в миру. Выучившись в Греции на медицинскую сестру, она вернулась в родной Пафос и самоотречённо

принялась выполнять свою работу. Всё своё свободное время она отдавала обязанностям, возложенным на неё членством в различных благотворительных организациях. Элени всегда искренне удивлялась, как в современном мире может существовать столько людей, страдающих от одиночества, ведь для неё самой все представители рода человеческого, даже совершенно незнакомые, казались такими близкими и родными.

Запыхавшись, она вбежала в ортопедическое отделение и, не теряя ни минуты, бросилась прямо в ординаторскую. Забыв от волнения постучать, она с силой дёрнула на себя дверную ручку и оказалась внутри кабинета. Жалюзи были опущены, но даже в полутёмной комнате она мгновенно поняла, что её снова постигло разочарование. Элени уже была готова развернуться и выбежать, когда Всемирный потоп вдруг услышала нечто, что заставило её замереть на месте. Прислушавшись, она смогла разобрать звуки, доносящиеся из-за небольшой дверцы внутри кабинета, определённо характерные для приступа бронхиальной астмы. Помещение, в которое вела дверь, предназначалось толи в качестве уборной, толи личной гардеробной врачей. Но это уже мало трогало живо откликающуюся на призыв попавшего в беду человека душу девушки: она, не раздумывая, бросилась туда, где, как почувствовала, срочно нужна была её помощь. В очередной раз взяв приступом закрытую дверь, она вдруг столкнулась лицом к лицу с незнакомым седым мужчиной в белом халате.

Вся поза старика действительно подтверждала догадку Элени: одной рукой он схватился за стол, а другой держал себя за горло, словно задыхаясь и пытаясь с хрипом вдохнуть глоток воздуха. Черты его лица были искажены от неимоверной боли, по щекам текли слёзы. Реакция девушки была мгновенной: первым делом она бросилась к окну и распахнула его во всю ширь, чтобы обеспечить приток свежего воздуха. Затем, желая облегчить спазмы, она схватила стул, чтобы усадить несчастного в вынужденное положение с упором на руки, но в тот момент, когда она уже приблизилась к нему, старик вдруг выпрямился и посмотрел на неё совершенно спокойным ледяным взглядом. Если бы не всё ещё мокрое от слёз лицо, то Элени могла бы подумать, что ей всё это померещилось. Всё-таки накопилась усталость бессонной ночи, вот и чудятся кругом больные с приступами. Кстати, тут же вспомнила она, её же действительно ждёт пациент, которому стало плохо.

– С вами всё в порядке? – на всякий случай спросила она, чувствуя себя в полном замешательстве и как бы оправдывая тем самым своё незваное вторжение.

– Как видите, – недружелюбно ответил тот, всё также неподвижно глядя на неё.

– Вы – доктор? – несколько неуверенно спросила девушка.

– Именно так. Я могу вам чем-то помочь? – спросил он таким важным размеренным голосом, как будто это не он минуту назад нуждался в неотложке, а она сама.

– Да-да! – поспешила ответить Элени. – В кардиологическом отделении больной лишился чувств и не приходит в себя. А я не могу найти ни одного врача!

– Ведите! – коротко бросил он приказным тоном.

…Они мчались подлинному коридору тем же путём, каким только что прибежала Элени. Девушка искоса поглядывала на нового врача, легко, без малейшей одышки бегущего рядом с нею: «Надо же, совсем старик, седой весь, в морщинах, а бегает как молодой!»

Те же самые мысли закрались в её голову десять минут спустя, когда она ассистировала странному доктору при оказании помощи больному – подавала фонендоскоп, тонометр, кислородную маску, вводила инъекции указанных лекарственных препаратов, устанавливала капельницу и приносила требуемые приборы. Элени, как заворожённая, смотрела на гладкую кожу его ухоженных сильных моложавых рук, непринуждённо и профессионально обращающихся с медицинскими инструментами. К тому времени, когда больной, наконец-то, почувствовал себя лучше, к нему вернулся нормальный цвет лица, и он заснул на этот раз уже физиологическим сном, в палату зашёл главврач, с таким опозданием заступивший на своё дежурство. Элени, как и все в больнице, с лёгкой боязнью и трепетом относящаяся к столь значительному лицу, неожиданно для себя стала свидетелем совершенно невозможной сцены. Новый доктор, выйдя в кори-

дор, стал резко и грубо отчитывать самого главного врача государственной клиники Пафоса. Элени, раскрыв от удивления рот, так и осталась стоять рядом с ними. Несколько опешивший от такого напора, господин Катсаридис минут пять стоял с растерянным видом, словно провинившийся школьник, но, внезапно заметив присутствие при его позоре низшего по статусу персонала, вдруг резко покраснел от злости.

– Что вы себе позволяете? – рявкнул он. – Вы отдаёте себе отчет, с кем разговариваете?! Между прочим, я принял вас на работу всего несколько дней назад, а вы уже напрашиваетесь на увольнение! Кстати, насколько я припоминаю, у вас не стоит в графике дежурства ни вчера, ни сегодня. В таком случае, что вы здесь вообще делаете?!

При последних словах Элени заметила, как новый доктор, ещё минуту назад такой грозный в своём праведном гневе, вдруг резко побледнел и сник как мячик, из которого выпустили воздух.

Глава II

В скором времени уже вся больница знала о появлении нового врача в ортопедическом отделении. Доктор Антониос Николау оказался самой настоящей «тёмной лошадкой». Ни с кем не общался, кроме как по работе, про себя никому ничего не рассказывал, от особо личных вопросов уходил, совершенно не церемонясь. Для устоявшегося коллектива пафосской больницы такое поведение коллеги было более чем вызывающим. К тому же, и то минимальное общение, необходимое при осуществлении медицинской деятельности, коим он одаривал окружающих, никак к нему не располагало. Все отмечали крайнюю требовательность доктора, нетерпимость к малейшим оплошностям и излишнюю взыскательность. Обычно молчаливый и лаконичный, он мог отчитывать десятиминутным монологом какую-нибудь медсестру, не поставившую вовремя пациенту клизму. Не существовало для него и субординации. После того случая с главврачом все понимали, что ему совершенно всё равно, кто стоит перед ним: заслуженный медицинский работник пенсионного возраста или двоюродный брат министра здравоохранения Кипра – он не признавал ни высоких статусов, ни высоких связей. Все медицинские сестры, поголовно, боялись заступать на дежурства в смену нового доктора. Заслужив, таким образом, в самые краткие сроки общепризнанную нелюбовь

окружающих, он выделялся гнойным фурункулом на теле однородного сплочённого медицинского персонала государственной клиники Пафоса.

* * *

…Ставрос Васильядис с шумом захлопнул за собой дверь в ординаторскую. На резкий звук к нему повернулась миловидная молодая женщина, сидящая за столом.

– Эй! А поделикатнее никак нельзя? – дружелюбным голосом спросила она, с улыбкой глядя на вошедшего.

– Поделикатнее! – возмущённо повторил тот. – Вот именно: поделикатнее! Скоро мы все здесь забудем вообще, что означает это слово! Нет, ну ты подумай, что он себе вообразил!!! Кто он вообще такой! Да одного звонка моему дяде будет достаточно для того, чтобы его погнали отсюда поганой метлой!

– А… это ты про Николау! – рассмеялась его собеседница. – Тебе уже тоже от него досталось! Но погнать его, думается, не так уж будет просто, не зря его терпит сам Катсаридис. Стоит же за этим что-то. Да и вообще, – продолжила она, переходя на таинственный шёпот, – я как-то краем уха слышала, что он гений своего дела…

– Ха! – издевательским тоном прервал её негодующий молодой человек. – Какой, к чёрту, гений! Работает тут без году неделя и вздумал ещё меня поучать, как шину наклады-

вать! Да я здесь уже шесть лет и как-то, ничего, справлялся со своими обязанностями без него!

Женщина встала и усадила на своё место разбушевавшегося коллегу, затем мягкими движениями стала массировать ему голову.

– Ну, ладно, ладно, скоро мы посмотрим, какой он там гениальный хирург! – постепенно успокаиваясь, принялся вслух размышлять Ставрос. – Те пара-тройка мелких операций, которые он, возможно, просто случайно успешно провёл, ещё ни о чём не говорят. Я это тоже могу. А вот посмотрим, как он «старуху» прооперирует. А то распускаете тут попусту бабские сплетни про его гениальность! Просто то, что он такой отшельник и ничего про себя не рассказывает, София, ещё не повод для того, чтобы окутывать его образ тайной и репутацией героя!

– Подожди! – вдруг заинтересовалась молодая женщина. – Ты хочешь сказать, что госпожа Иродоту снова ложится на операцию?

– Да, – нехотя ответил Ставрос, – ты же знаешь, что её случай крайне тяжёлый и, можно сказать, м-м-м… практически неизлечимый…

– Но ты же всем говорил тогда, что блестяще провёл операцию!

– Да, но оказалось, что у неё проблема ещё и в другом отделе позвоночника… – несколько неуверенно ответил он, – впрочем, хватит обо всём об этом!

И он, игриво схватив руки Софии, в одно мгновение развернул кресло и притянул её к себе на колени, пытаясь поцеловать.

– Доктор Васильядис! – со смехом отбиваясь от его настойчивых поцелуев, запротестовала девушка. – Что вы себе позволяете!

В коридоре послышались приближающиеся шаги, кто-то повернул дверную ручку, и молодые люди тотчас же отпрянули друг от друга.

Глава III

Антониос Николау взялся за ручку двери в ординаторскую. За обратной стороной послышался приглушённый смех и голоса. Мужчина остановился и на несколько секунд замер. Не имея ни малейшего желания находиться в одном помещении с кем-либо ещё по причине необходимости поддержания хоть какого-нибудь разговора, он развернулся и пошёл назад, смутно представляя, куда ему сейчас деваться. Навстречу ему из-за угла вывернула рентгенолог их отделения, низкая полная женщина, тяжело ступающая на высоких, как всегда, и явно неудобных каблуках. Даже издалека было видно, что она чем-то необычайно взволнована. Поравнявшись с ним, она робко и неуверенно произнесла:

– Доктор, я вас везде ищу! Дело в том, что вчерашние снимки больной Иродоту куда-то пропали… Я перерыла всё кругом, но их нигде нет… Я боюсь, что нам придётся повторить рентген… ну, конечно же, если вы это предпишете…

– А! – доктор слегка ударил себя ладонью полбу, внезапно вспомнив. – Они у меня. Я взял их вчера с собой домой, чтобы хорошенько рассмотреть в спокойной обстановке и сравнить с предыдущими, дооперационными. Кстати, кто делал ту операцию, не знаете, случайно?

– Насколько мне известно, доктор Васильядис, – с явным облегчением ответила успокоившаяся женщина.

– Понятно… – скептически произнес он, растягивая слова, – да, а снимки, должно быть, я оставил в машине, сейчас принесу.

Он быстро спустился по лестнице на первый этаж и вышел на улицу. Покидая спасительную прохладу кондиционеров, он шагнул в удушающую июньскую жару. Полуденное солнце нещадно слепило глаза, и, жмурясь от ярких лучей, прикрывая лицо ладонью как козырьком, он быстро направился к машине, находящейся на открытой парковке. Белый халат уже через пару минут пропитался потом и прилип к телу. Нажав на кнопку автоматического ключа, он дотронулся до ручки передней дверцы автомобиля и тотчас одёрнул ладонь от обжигающей металлической поверхности. Быстро повторив свою попытку, он плюхнулся на водительское сидение и открыл бардачок, чтобы достать пакет с рентгеновскими снимками. Но всё, к чему он прикасался, обжигало руки, словно раскалённая плита. Дышать внутри было совершенно нечем. В запертой на солнцепеке машине температура достигала почти шестидесяти градусов. Ощущение было, что находишься в растопленной добела сауне. Вдруг внезапно послышался звук колокольчиков, и какая-то неведомая сила заставила его медленно повернуть голову в сторону заднего сидения. Там, в детском автомобильном кресле, сидел маленький мальчик, лет пяти. Каштановые вьющиеся волосы кольцами спускались на его лоб, большие карие глаза, оттенённые длинными тёмными ресницами, словно звёздами,

радостно и чуть застенчиво смотрели на него. В руках малыш сжимал синюю, с нарисованными на ней Мики Маусами, бутылочку с водой.

– Николас… – дрожащим срывающимся голосом произнёс мужчина, – Николас, это ты?..

В ответ ребёнок робко улыбнулся, но в следующую секунду воздух качнулся, словно поверхность воды, и Антониос с ужасом увидел бездыханное тельце мальчика, вяло обмякшее в кресле. Рядом валялась пустая открытая бутылочка.

– Николас!!! – крича как раненый зверь, мужчина рванулся из машины. – Сейчас, сейчас я тебе помогу!

В одно мгновение он оказался у задней дверцы со стороны ребёнка и, что было силы, распахнул её. Внутри никого не было. Закрыв лицо руками, Антониос зарыдал прямо на раскалённом багажнике автомобиля.

…Элени, наблюдавшая из окна за поведением странного доктора, сразу почувствовала что-то неладное. Не теряя ни секунды, она бросилась из здания. Подбежав к Антониосу, девушка захлопнула дверцы машины и, ни о чём не спрашивая, повела в помещение. Усадив его под кондиционером в самом уединённом уголке вестибюля, она быстро сбегала за стаканом воды и влажными салфетками. В момент, когда Элени мягкими движениями вытирала испарину со лба доктора, он, наконец, пришёл в себя и глаза их встретились. В полном молчании невидимая исцеляющая энергия, лучаща-

яся из полного сострадания взгляда женщины, струилась в полные боли глаза человека, обречённого на некие, ведомые лишь ему одному, муки…

Глава IV

София стояла у зеркала, уже в который раз безуспешно пытаясь собрать в красивый элегантный узел тяжёлую копну своих густых чёрных волос. «Так я и знала, что нужно было пойти в парикмахерскую, самой мне с вечерней причёской не сладить, – с досадой подумала она, – да где уж тут успеешь!» Она только недавно вернулась с дежурства и готовилась пойти на коктейль в честь свадьбы сына главного врача больницы. Событие проходило в самой дорогой, шикарнейшей гостинице Кипра – «Анасса». Пропустить такое было невозможно по многим причинам. Во-первых, отсутствие любого приглашённого из своих подчинённых невероятно наблюдательный Катсаридис счёл бы форменным оскорблением. Во-вторых, на свадьбу было приглашено огромное количество важных персон, в том числе и из Никосии (и мало ли к какому судьбоносному знакомству это могло привести). Тридцатитрёхлетняя женщина критично окинула себя взглядом в зеркале. Конечно, на Кипре сейчас никто раньше тридцати замуж не торопится, не то, что в былые времена, но, чёрт побери, свежесть юности уже что-то больше не проглядывает во внешнем облике, а эта ужасная сеточка чуть видных морщин возле глаз, появляющаяся при улыбке, каждый раз вызывает в душе тревожное чувство ускользающего времени. В конце концов, когда-то ей прочили выгодное

замужество ввиду того, что среди большинства своих неказистых подруг она всегда выделялась своей миловидностью. К тому же ей явно повезло с конституцией – никогда особо не увлекаясь диетами, она умудрялась единственной из всего своего окружения сохранять прекрасную фигуру. С удовольствием похлопав себя по бёдрам, она провела ладонями по бокам, повторяя свой силуэт в чёрном облегающем вечернем платье. «Как жаль, что на кипрских свадьбах все традиционно обязаны одеваться в чёрные или, на худой конец, тёмные платья. А мне так идет красный цвет! – вздохнула она. – Но, к сожалению, все тогда примут меня за какую-нибудь из этих вертихвосток-иностранок с сомнительной репутацией». Действительно, на всех свадьбах, на которых ей пришлось побывать, время от времени выделялись красные и синие пятна ярких платьев на фоне тёмной однородной массы дружно одетых в чёрное киприоток, но каждый раз оказывалось, что это какая-нибудь очередная болгарка, или румынка, или русская так бесстыже привлекает внимание.

Её несколько унылые размышления были прерваны телефонным звонком.

– Ставрос, – стараясь скрыть лёгкое раздражение, ответила она, – я же говорила тебе, что приеду с небольшим опозданием. Нет, нет! Не надо ни в коем случае за мной заезжать! Я приеду попозже сама на своей машине.

«Не хватало ещё, чтобы все посчитали, что мы пара», – хмурясь, подумала она. Нет, не то чтобы она совершенно вы-

чёркивала его из кандидатов, в конце концов, его дядя является не последним человеком в Министерстве Здравоохранения. Но это явно был запасной аэродром…

Ставрос Васильядис с досадой развернул машину и выехал на шоссе по направлению к находящейся в тридцати километрах от города «Анассе». По-хорошему, сегодня он никак не должен был попасть на запланированное мероприятие в связи с тем, что по графику у него стояло дежурство. Но, к счастью, этот полоумный Николау сам предложил ему его отдать. После последнего случая, когда тот в очередной раз при всех стал критиковать его методы лечения, Ставрос твёрдо решил игнорировать нахала во что бы то ни стало. Но в данном случае отказ был невыгоден ему самому. «Ну что ж, – со злорадством думал он, – я не премину всем и каждому рассказать, что доктор Николау сам настаивал и уговаривал меня отдать ему дежурство. Сразу будет очевидно, что он это сделал с единственной целью – дабы избежать посещения свадьбы. Катсаридис просто весь изойдётся от злости!»

Припарковавшись возле отеля, Ставрос окинул себя взглядом в зеркальце заднего вида и остался доволен. Курчавые, намазанные гелем волосы были старательно зачёсаны назад, в расстёгнутом и приподнятом по-модному воротнике на шее виднелась золотая цепочка с крестиком, прячущаяся в густом ворохе волосяной растительности, произрастающей натруди. «Этот вопрос, кстати, надо будет обдумать, –

озабоченно нахмурился он, – кажется, сейчас уже не только геи занимаются эпиляцией. Да, да… надо будет обдумать…» Ещё раз поправив воротник белой узкой облегающей рубашки, на котором, как и на рукавах, были узорные вставки голубого цвета, мужчина с видом царственной особы прошествовал в вестибюль. Кинув взгляд на стенд возле входа, он мгновенно определил, в каком зале будет происходить свадебный коктейль господина Панайотиса Катсаридиса и девицы Кириаки Пападопулос (а затем и ужин, на который, впрочем, он уже не являлся приглашённым ввиду недостаточно высокого статуса либо близкого родства), Ставрос быстрым шагом направился в нужном направлении и уже через минуту уткнулся в длинный хвост очереди людей, пришедших, чтобы поздравить новобрачных. «Да… – обеспокоенно подумал он, испуганный перспективой скучного ожидания и ежеминутно оглядываясь в поисках знакомых, – хоть бы София скорее подъехала. А то стоять тут придётся явно не полчаса: ошалевший от радости Катсаридис, женящий своего единственного сынулю, не иначе как пригласил не меньше семи тысяч народу. Ну что за устарелые пережитки! Это уже совершенно немодно. На свою собственную свадьбу я приглашу только узкий круг друзей и родных: максимум тысячу гостей. Ну, или… чуть-чуть побольше…» – тут же засомневался он, вспомнив о том количестве маленьких белых конвертиков (один из которых он сейчас сжимал в руке), какие сегодня, по окончании свадебного пиршества, предсто-

яло открыть молодожёнам. «Похоже, им на это не хватит целой брачной ночи!» – с лёгкой завистью подумал он. Отчаявшись отыскать в этой нескончаемой толпе знакомые лица, чтобы хоть как-то скрасить долгое ожидание в очереди, он принялся названивать Софии.

Когда, наконец, он оказался в огромной роскошной зале, где проходило торжество, и впереди в доступной близости виднелся небольшой постамент, на котором возвышались молодожёны в окружении красивейших цветочных композиций из сотен живых белоснежных лилий, Ставрос уже совершенно изошёлся от нетерпения. Вот-вот должна была подойти София, но теперь его уже не так радовало её близкое появление, так как в глубине зала, за одним из многочисленных высоких круглых столиков, он наконец-то углядел компанию людей, являвшихся его коллегами по работе. Вскоре можно было отвести душу в приятной беседе и обсудить все подробности этого столь значимого для их начальника события: достоинства и недостатки внешности невесты, устарелые взгляды Катсаридиса на количество приглашённых гостей, самих же, пренепременно, гостей, а также узнать много новой и интересной информации, касающейся всего вышеперечисленного. И пусть другие называют это сплетнями, но для настоящих кипрских мужчин это являлось живой и увлекательнейшей беседой.

Подошедшая в последний момент София быстро расцеловала родителей невесты, стоящих по правую сторону от мо-

лодых, вручила конвертик молодожёнам, чуть задержалась с поздравлениями возле родителей жениха, стоящих по левую сторону (видимо, пытаясь произвести благоприятное впечатление на самого Катсаридиса), и быстро ринулась к шведскому столу. Замученный ожиданием, Ставрос постарался как можно быстрее повторить за ней всю эту процедуру. С удовольствием отхлёбывая из бокала с шампанским и держа в свободной руке наполненную замысловатыми фуршетными закусками тарелку, он, не теряя больше ни минуты, направился к вожделенному столику.

– … неужели же всё-таки он осмелится не прийти? – донеслась до него брошенная кем-то из коллег фраза.

– Можете не сомневаться, – немедленно ответила стоящая тут как тут София, – когда я только заикнулась месяц назад по поводу своих именин, он так посмотрел на меня, как будто я приглашала его, по меньшей мере, на свои похороны!

– Да, но сейчас речь идёт о свадьбе сына Катсаридиса! Чувствуете разницу!

– Если вы про Николау, – победоносно заявил подошедший Ставрос, уловивший краем уха конец разговора, – то можете быть уверенными – он не придёт. А доказательство тому – моё присутствие здесь!

– Да, действительно, у тебя же сегодня стоит дежурство!

– Ну, так вот! Николау сейчас меня заменяет. И прошу заметить, по его собственному горячему желанию. Несмотря на то, – Ставрос многозначительно поднял указательный

палец правой руки, – что это его второе дежурство по счёту без перерыва.

– Да, на самом деле, – подключился к разговору пожилой хирург-ортопед Клиридис, – он же вообще не вылезает из клиники. Это просто какой-то совершенно ненормальной трудоголизм!

Все весело рассмеялись в ответ: ни для кого не было секретом, что сам Клиридис ждёт-не дождётся выхода на пенсию. Но тут его с совершенно серьёзным видом поддержал близорукий анестезиолог Демосфенус:

– Насколько я заметил, со дня прихода доктора Николау в больницу все хирургические вмешательства, на которых приходилось присутствовать лично мне, осуществлял именно он. Это, по меньшей мере, странно и может говорить только об одном – он работает гораздо свыше своего графика.

– Или вообще находится в клинике в свои нерабочие дни, – вдруг каким-то загадочным голосом добавила София, – как в тот день, первого июня, когда он сцепился с самим Катсаридисом!

– Это совершенно поразительно! – вставила своё слово рентгенолог Сула Хаджикириаку, до сих пор не вступавшая в разговор по причине занятости пережёвыванием пищи, которая возвышалась горкой на её тарелке, – просто поразительно, что человек в его возрасте так пренебрегает своей семьёй! Ведь, наверное, уже и внуки маленькие есть.

У самой госпожи Хаджикириаку недавно родилась внучка от старшей дочки. О том, как проходили роды, успела узнать вся клиника, так как многокилограммовая рентгенолог неустанно носилась из кабинета в кабинет, рассказывая обо всех нужных и ненужных подробностях сего таинства. Впрочем, это самое таинство произошло совершенно нетайным путём кесарева сечения. Дочка госпожи Сулы наотрез отказалась производить младенца на свет физиологическим путем. В том её вполне поддержала любящая мать: «Это уже совсем немодно в наше время – рожать самой. Ни одна из её подруг не пошла на это. Зачем же моей доченьке испытывать эту ужасную боль? Совсем без надобности!»

– Но кто вам сказал, что у него вообще есть семья? – снова вмешалась в разговор София. – Это же очевидно, что он просто не переносит женщин. Настоящий мизогин!

– В таком случае, я хотел бы тебя поправить: он мизантроп – не переносит людей вообще, – вспомнив былые обиды, вставил Ставрос.

– Но это совершенно поразительно, – не унималась госпожа Сула, – я не знаю никого на Кипре, у кого бы не было семьи! Должны же быть у него хоть какие-то родственники!

– Может, и должны, – София была рада возможности поделиться своими наблюдениями, – но явно не в Пафосе. Здесь он живёт совершенным отшельником. И уж наверняка не испытывает ни малейшего желания с кем-либо встре-

чаться.

– Это какой-то положительно ненормальный человек, – пробормотала госпожа Сула, снова углубляясь в тарелку с едой, – он даже домой с собой берёт рентгеновские снимки…

…Размякшая от фруктового пунша, усталая и сонная, София несколько пожалела о том, что так решительно отказалась от предложения Ставроса отвезти её на свадьбу. К её разочарованию, вечер прошёл без единого нового знакомства, а садиться за руль сейчас совершенно не хотелось. Она оперлась о руку выводящего её из зала коллеги и бросила последний взгляд на некрасивую невесту, не идущую, по её мнению, с ней ни в какое сравнение. «Я бы в этом пятитысячноевровом платье смотрелась бы гораздо пикантнее, – с чувством превосходства подумала она, – и на своей свадьбе я не позволю визажисту нанести мне такой слой грунтовки! Это ужасно, что у всех кипрских невест, как у одной, вместо лиц – маски!»

Ставрос также до самого выхода не сводил глаз с невысокого постамента, на котором находились виновники торжества. С чувством мстительного злорадства он глядел на вымученную после более чем четырёхчасового стояния на ногах улыбку своего главврача.

Глава V

Проведя вечерний обход, доктор Николау отправился к себе в ординаторскую. Спать, к счастью, совершенно не хотелось. Организм уже настолько привык обходиться практически без сна, что даже не вырабатывал соответствующих рефлексов: зевоты или сонливости. Просто, когда наступало чувство полного истощения, несколько раз в течение суток, он закрывал глаза и словно абстрагировался от всего окружающего. Забытье, в которое он резко проваливался минут на десять, не успевало принести ни снов, ни этих ужасных кошмаров. На всякий случай, доктор всё же заводил будильник на четверть часа, чтобы быть точно уверенным, что сможет вернуться в состояние бодрствования до того, как начнутся видения, выдерживать которые он уже больше был не в силах.

Включив лампу, он принялся рассматривать рентгеновские снимки одной из пациенток, которой уже провели здесь же, у них в клинике, сложную операцию на позвоночник около года назад. Женщина была избавлена от болей месяца на два-три, не больше. А затем всё опять началось по-новому. Сравнивая снимки до и после операции, тщательно изучая данные томографии, он всё больше и больше приходил к выводу, что операция была проведена неправильно. Ортопед, проводивший хирургическое вмешательство, не учёл всех

особенностей заболевания пациентки и решился на проведение только лишь заднего спондилодеза на остистых и поперечных отростках позвонков, вместо того, чтобы использовать метод переднего спондилодеза и исправить саму причину недуга, связанную с повреждением межпозвоночного диска. К тому же он применил комбинацию металлического фиксатора с костной тканью, усиленную материалами для затвердения, арматурой как в железобетоне, которые являлись теперь очередной сложностью и препятствием для устранения первичной проблемы. Хоть само по себе это оперативное вмешательство было длительным и сложным, требующим высочайшей квалификации хирурга, а также сопряжённым с многочасовым наркозом, всё же подобную операцию Антониосу Николау было бы проще провести изначально, с чистого листа, чем теперь исправлять недочёты других.

Внезапно тишину резко разорвал телефонный аппарат. Звонили из приёмного покоя. Молодой парень разбился на мотоцикле и получил серьёзные травмы. Нужна была немедленная операция. Доктор Николау быстро вскочил с места, стряхивая с себя усталость, словно пыль.

«Боже! Какое количество молодых недотёп теряют свою жизнь на дорогах Кипра или остаются инвалидами! – механически думал он, торопясь в операционную. – Для такого маленького острова частота подобных случаев просто невероятна… Кажется, по последним статистическим данным мы занимаем первое место в Евросоюзе по смертности

мотоциклистов пропорционально к населению!»

…Пациент, находящийся без сознания, уже был доставлен в операционную. Проведение немедленного хирургического вмешательства было единственным шансом двадцатилетнего парня на то, чтобы не остаться до конца своих дней в инвалидной коляске. Вокруг Антониоса сразу засуетилась операционная медсестра, помогая облачаться в стерильный халат и бахилы. В то время, как он мыл руки, натягивал маску и резиновые перчатки, травматолог приёмного покоя, принимавший поступившего, докладывал ему обо всех подробностях осмотра и полученных анализов, чтобы полностью осветить ситуацию.

– Да-да… – отрывисто бросил ему Антониос, – я всё уже понял… у меня были уже такие случаи… такой случай… – последнюю фразу он произнёс с видимым усилием, как будто внезапно вспомнив о чём-то крайне болезненном и неприятном.

На секунду он был вынужден схватить себя за виски, чтобы унять это нахлынувшее мучительное «дежавю»: раннее утро, он подъезжает на автомобиле к своей клинике, по громкоговорящей связи мобильного телефона взволнованный голос говорит ему о предстоящей срочной операции только что доставленному больному, разбившемуся на мотоцикле. Он быстро паркует автомобиль, захлопывает дверцу и, полный мыслей о всех хирургических манипуляциях, которые ему сейчас предстоит совершить, бежит в здание…

– С вами всё в порядке? – удивлённо спросил его травматолог приёмного покоя, прервав свой несколько сбивчивый монолог.

– Да, – сухо ответил Антониос, – переодевайтесь! Вы будете мне ассистировать!

Полученные переломы и травмы парня были один в один схожи с тем самым роковым случаем, ион уже не был уверен, что воспоминания о прошлом не будут накатывать на него кошмаром во время нынешней операции, поэтому лучше, чтобы под рукой был бы ассистент.

…По прошествии нескольких часов, замученный и обессиленный, доктор Антониос Николау вышел нетвёрдым шагом из операционного блока и отправился к себе в ординаторскую. До конца смены оставалось уже совсем недолго. Через закрытые жалюзи в комнату проникал нежный розовый свет просыпающейся зари. Раздвинув пальцами несколько тонких алюминиевых перегородок, он стоял и смотрел через окно на пустынную парковку с редкими островками растительности (всё больше невысоких кипарисов и пальмовых деревьев), которая днём заполнялась до отказа, а теперь выглядела такой непривычно сиротливой, с кучкой тулящихся друг к друг автомобилей медицинских работников клиники. Он медленно перевёл взгляд на небо, по которому уже отчётливо летела на своей крылатой колеснице прекраснокуд-

рая Эос, возвещая о близком появлении Гел носа и поливая землю скупой росой, которую жадно впитывала в себя пересохшая от летнего зноя земля.

…Итак, он не смог убежать сотого острова… не сумел убежать от самого себя… Несколько месяцев, проведённых в Салониках, сразу дали понять, что его побег закончился слишком близко. Тогда ему показалось, что спасение можно найти только в многотысячном расстоянии, ион уехал в Австралию с твёрдым намерением никогда больше не возвращаться. Но, отработав год в провинциальной больнице по контракту, он понял, что не сможет согласиться на его продление. Да, знакомые и родственники уже практически не имели возможности связаться с ним, он жил в окружении людей, которые ничего про него не знали и для которых он был чужаком. А на странности иностранцев никто уже давно не обращает внимания, Бог их знает, какие у них там привычки! Но эти сны, эти галлюцинации… они становились всё сильнее, всё интенсивнее, и, казалось, чем дальше он уезжал, тем упорнее они преследовали его.

Ещё тогда, сразу после случившегося, его друг Костас, доктор психологических наук, с которым они вместе учились в Бристольском университете, очень настаивал на проведении с ним сессий. Поняв, что Антониос избегает его наравне со всеми, он периодически пытался подослать к нему других опытных психотерапевтов, и чаще всего через жену.

Жена… Её он вспоминал редко и каждый раз только в связи с произошедшим… Он помнил её белое ненавидящее лицо в тот день, её исступлённые вопли и обвинения…

За шесть лет брака они так и не сумели стать близкими людьми. Андри была единственной дочерью известного адвоката в Ларнаке. Избалованная и привыкшая ко вниманию, она с трудом переносила прохладное и сдержанное к ней отношение мужа. Всё это выражалось в необоснованной ревности, нескончаемых упрёках и частых слезах с её стороны. Но сделать Антониос ничего не мог: то, в чём нуждалась его жена, он был просто не в состоянии ей дать. Любовь, не затронувшая его сердце до свадьбы, не пришла и после. Интроверт и однолюб по складу характера, он уже использовал весь отмеренный ему запас нежных чувств ещё в раннем юношестве. Его несчастная любовь к своей же крёстной матери оставила в нём опустошение, и, очевидно, ничто уже больше не могло породиться оскудевшей почвой его души. И пусть между ним и любимой женщиной не стояли ни близкие кровные узы, ни даже излишняя разница в возрасте (Анастасия была старше его всего на семь лет, так как крестила его сама ещё будучи ребёнком), но в обществе традиционных укладов, сильных патриархальных устоев и постоянного беспокойства о том, «что скажут люди», их чувства были обречены.

Тогда расстояние помогло залечить его раны. Он уехал в Англию, поступил на медицинский факультет. Годы на-

пряжённой учёбы, затем стажировки позволили ему предать чувства забвению, но уже больше никогда ни единая женщина не вызывала в нём того душевного трепета и томительного желания быть вместе, как когда-то Анастасия. Проявив себя талантливым хирургом в ортопедии, он без труда смог найти себе рабочее место, что в Англии удавалось далеко не каждому выпускнику-иностранцу. Но, проработав всего несколько лет, поддался на уговоры родителей и вернулся домой. Почти все его знакомые киприоты после завершения учёбы также возвращались на родину, несмотря на то, что многие успели всем сердцем полюбить сырой туманный Альбион, а некоторые даже были близки к тому, чтобы сделать там блестящую карьеру, невозможную в условиях маленького Кипра. Но зов крови всегда оказывался сильнее. Родители взывали ко всем имеющимся струнам души, вплоть до составления подробного списка о затраченных финансах на учёбу ненаглядного чада. Обычно последний апперкот оказывался решающим фактором, и пристыжённые птенцы, только-только успевшие расправить крылья, возвращались в родительское гнездо. Некоторые после этого ещё годами чувствовали себя выпавшими из колеи и затруднялись найти своё место в жизни.

Вернувшись на Кипр, он, сам не желая того, узнал последние новости о бывшей возлюбленной. Анастасия вышла замуж и уехала в Грецию. Те редкие разы, когда она посещала своих и его родственников, хранились от него в строжай-

шей тайне, дабы не всколыхнуть грешное былое. Родители, дядья, сёстры – все дружно искали ему невесту. Однако это оказалось делом далеко не простым. Вскоре за ним уже тянулся шлейф брошенных подруг. Некоторые из его романов не продолжались более месяца-полутора. Антониос всегда мучился, словно от зубной боли, когда приглашал очередную девушку навстречу, чтобы объяснить ей, что между ними не может быть чего-либо серьёзного и встречи лучше прекратить… Особенно неприятно было видеть их растерянные глаза. Но поделать он ничего не мог: продолжать отношения для него было равносильно добровольному заключению. Со временем он научился отводить взгляд в самый критический момент, и, таким образом, расставание проходило в несколько более лёгком для него ключе.

К тридцати шести годам Антониос Николау превратился в самого завидного жениха Ларнаки. Работая хирургом-ортопедом в частной клинике, он не только создал себе славу местного светила, но также смог сколотить себе немалое состояние.

Андри была красива, молода, из хорошей семьи и, самое главное, не вызывала в нём того стесняющего чувства дискомфорта и ограничения свободного пространства, какое он обычно испытывал с предыдущими девушками. Она не слишком докучала ему своим вниманием и желанием следить за каждым его шагом, так как сильно любила свою соб-

ственную персону и желала проводить время, как ей вздумается. Гордая, что оказалась единственной женщиной, способной довести до венца строптивого доктора, сразу же после свадьбы она принялась с удвоенным энтузиазмом расточать объединившиеся финансы папы и мужа. Антониос проводил большую часть своего времени в клинике, Андри – в магазинах. Казалось, все были довольны и счастливы.

Всё изменилось сразу после рождения ребёнка. Андри вдруг с чего-то захотела душевного тепла, любви и заботы со стороны супруга. Метаморфозы, произошедшие с её телом, привели и к изменениям в её характере. Всё это можно было бы списать на послеродовую депрессию, но время шло, а претензии жены к мужу только усиливались. К тому же мальчик родился с врождённым пороком сердца и требовал повышенной заботы. Андри, у которой внезапно открылся материнский инстинкт, начала буквально силой вырывать у мужа внимание к себе и к сыну, чем ещё больше ухудшила ситуацию. Антониос чувствовал, что снова задыхается в отношениях, что снова всей душой желает положить этому конец. Но Андри категорически отказывалась давать развод. «Ты что, хочешь опозорить меня на весь Кипр?! – истерически кричала она каждый раз, когда он пытался совершенно в спокойном тоне подойти к этому вопросу. – В моей семье никогда не было и не будет разводов! Забудь об этом раз и навсегда!!!» И Антониос вынужден был забыть. Но в этом своём забытье он совершенно отстранился и от жены, и от

ребёнка, проводя всё больше и больше времени на работе.

Николас рос тихим непокойным мальчиком. Толи вследствие своей болезни (ввиду того, что был сильно ограничен в физических нагрузках), то ли оттого, что все своё время вынужденно проводил с матерью, характер его формировался мягким, робким и крайне застенчивым. Выказывая сильную привязанность к матери, он даже внешностью поразительно походил на неё и был красив девичьей красотою. В редкие моменты, когда Антониос проводил время с сыном, он с грустной ироничной улыбкой наблюдал, как маленькая копия Андри – бледное кукольное личико в обрамлении каштановых локонов с огромными карими глазами – стеснительно смотрит на своего угрюмого холодного папу, робко пытаясь привлечь его внимание.

…В дверь постучали, и Антониос очнулся от своих воспоминаний. Подошло время окончания очередного дежурства, и как ни хотелось уходить из этого людского муравейника (где, хоть и избегая общения, он всё же чувствовал себя в большей безопасности от навязчивых видений своего прошлого), но снова нужно было возвращаться в своё полное одиночество.

Глава VI

Машина подъехала к кварталу мезонетов аккуратных пастельных тонов, расположенных на побережье с видом на море. Доктор Николау припарковался в своём маленьком дворике и не спеша зашёл в дом. Бросив ключи на стол, он обвёл рассеянным взглядом своё жилище отшельника. Этот двухэтажный домик продавался уже меблированным, что позволило ему избежать ненавистных походов по многочисленным магазинам. Впрочем, стиль, в котором был обставлен дом, очень даже подходил по статусу пожилому обеспеченному холостяку и уважаемому доктору. Первый этаж занимала кухня и небольшая гостиная. Вся мебель была тёмно-красного дерева в классическом стиле; на камине, отделанном гранитом малахитового цвета, возвышались старинного вида канделябры. Этим же камнем были выложены все поверхности кухни, которые, впрочем, оставались девственнонетронутыми, так как доктор никогда не готовил сам. Единственной часто используемой утварью, кроме холодильника, являлась кофейная машина. Этот напиток он употреблял в бесчисленном количестве в своей неустанной борьбе со сном. Посреди гостиной находился роскошный обеденный стол на шесть персон в стиле барокко, напротив которого настене висело огромное зеркало в тяжёлом позолоченном обрамлении. Тотам, то здесь в небольших ни-

шах располагались невысокие интерьерные колонны, на которых красовались статуэтки из бронзы и эбенового дерева. Возле окна, убранного тяжёлыми, с ламбрекенами, шторами тёмного изумруда с золотыми кисточками, примостился письменный стол. Это классическое бюро из красного дерева и кожи цвета морских водорослей, рядом с которым стоял небольшой книжный шкаф, заполненный книгами в дорогих, старинного вида переплётах, вместе создавали колорит отдельного кабинета. Антониос иногда по ночам порывался исследовать содержание толстенных томов, что хоть как-то скрашивало его долгие бессонные ночи.

…Раздался дверной звонок. Собравшись было уже идти в ванную, Антониос спохватился, вспомнив, кто это может быть, и отправился открывать. Завтрак, обед и ужин – он всегда заказывал из ближайшего ресторанчика, и как раз сейчас ему доставили очередной заказ. Антониос с улыбкой посмотрел на молодого парня, передающего ему пакет с едой: он знал, что до следующего дежурства это последний человек, с которым он перебрасывается словом-другим.

После душа, накинув лёгкий просторный халат, он в одиночестве сел поглощать свой завтрак. Медленно пережёвывая пищу, он бездумно глядел на синюю полоску моря, видневшуюся из окна. Во всём теле ощущалась усталость и изнеможение после тяжёлой ночи.

Вдруг в комнату без стука вошла женщина. Антониос сразу весь внутренне напрягся. Несколько полная, но с краси-

вым, по-ориентальски, лицом, на котором, впрочем, застыло недовольное и хмурое выражение, она подошла к кофеварке и нервными дёргаными движениями принялась готовить эспрессо.

– Завтра я не смогу отвезти ребёнка в садик, – резко сказала она, – так что имей в виду. Мама тоже не сможет, – как бы предупреждая его возможные возражения, тут же добавила она, словно отрезала.

Антониос досадливо поморщился, но сухо бросил в ответ:

– Хорошо.

Зависла длинная пауза, после которой женщина вдруг остервенело выкрикнула:

– И вообще, когда ты собираешься проводить время с сыном?!

Её молодой голос, ещё минуту назад низкий и грудной, хоть и враждебно настроенный, как-то сразу неожиданно перешёл в каркающий старушечий ор:

– Завтра, между прочим, первое июня! По всей Ларнаке будет столько праздничных мероприятий! Детский фестиваль!.. В муниципальном саду будут фокусники и клоуны! А ты ребёнка ни разу не сводил никуда и, как вижу, не собираешься!!!

Антониос почувствовал невыразимое желание покончить с этим неприятным диалогом, и, стараясь не потерять самообладания, он так же, как и в первый раз, сухо произнёс:

– Хорошо. Я постараюсь уйти пораньше из клиники и от-

везти его в муниципальный сад, если не будет экстренных операций.

Разговор был исчерпан. Женщина вышла из комнаты; в рукахеётихо позвякивала чашечка, стоящая на блюдце. Этот чуть слышный звук вдруг постепенно начал нарастать с увеличивающейся силой. Со всех сторон теперь доносился шум колокольчиков. Атмосфера мгновенно наполнилась чем-то тяжёлым, мрачным и невыносимым. Через секунду в комнату вбежала та же женщина. Но теперь она истерически рыдала и была одета во всё чёрное. За ней тут же появились несколько старух, также в чёрной одежде, которые принялись её тщетно успокаивать. Сердце Антониоса бешено заколотилось. Он вскочил со своего места и пошёл туда, откуда прибежали все эти женщины. Колокольчики звенели всё сильнее. Какая-то неведомая сила толкала его вперёд, и в то же время он панически страшился того, что должен был увидеть. Переходя из комнаты в комнату, он, наконец, достиг помещения, откуда раздавался этот звенящий звук. Находившиеся там люди в чёрном медленно расступились, и, затрепетав от леденящего кровь ужаса, он увидел маленький древесный гробик. Крышка была закрыта, но сквозь стеклянное оконце на уровне головы виднелось белое детское личико, обрамлённое каштановыми локонами. Не в силах больше выносить это чудовищное напряжение, Антониос испустил страшный нечеловеческий вопль.

…Проснувшись, весь в поту, он ещё долго пытался унять

бешено колотившееся сердце. За окном всё ещё светило яркое солнце, но было видно, что оно уже клонится на запад. Переодевшись в майку и шорты, он вышел на улицу через стеклянную дверь веранды и медленно побрёл по неширокой пальмовой аллее к берегу моря. Только здесь, на побережье, в полном уединении, он мог часами оставаться спокойным и освобождённым от мыслей, воспоминаний и терзаний…

Глава VII

Операция была назначена на следующий день. Ставрос Васильядис довольно потирал руки. «Вот теперь-то мы и посмотрим, на что годится этот старикашка! – удовлетворённо думал он. – А то строит из себя, Бог знает что! А все эти безмозглые эскулапы ему потакают».

Случай госпожи Иродоту был крайне запутанным и сложным. Ставрос прекрасно понимал, что прошлогодняя операция, которую осуществлял он сам, прошла не так благополучно, как он поспешно оповестил всех вокруг. Но взяться за неё сейчас он бы уже ни за что не решился. В теперешнем положении женщины помочь ей мог только профессионал самого высокого класса. По-хорошему, на всём Кипре такого было вряд ли сыскать. Но, по всей видимости, ехать в Англию или куда-либо ещё госпоже Иродоту не позволяли финансы. В частных клиниках за подобные медицинские услуги речь шла о сотнях тысяч евро. Несчастная продолжала мучиться от болей, возлагая все свои надежды на светлые умы местных врачей.

Господин Катсаридис после общего изучения данного случая уверенно направил его новому доктору. Ставрос не знал, радоваться ему или негодовать. С одной стороны, это была слишком большая честь ничем ещё себя не зарекомендовавшему хирургу Николау. С другой стороны, Ставрос с

нетерпением ожидал момента, когда этот спесивый выскочка будет, наконец-то, при всех посрамлён. «О, – думал он, – это зрелище дорогого стоит!» Ради этого Ставрос выпросил себе дежурство на пару с нелюбимым коллегой. Операция была плановая, но, ввиду её сложности и длительности, Антониос Николау был освобождён от всех своих других обязанностей в этот день.

Впрочем, судя по всему, Ставрос зря так стремился присутствовать в клинике в это дежурство. Он уже замучился бегать туда-сюда (по какой-то причине в смену Николау всегда был большой наплыв пациентов), а в операционной всё горел и горел предупреждающий свет, что входить запрещено. «Да… – сокрушённо думал он, – можно было вполне узнать обо всём и позже… Всё равно сегодня ничего ещё не прояснится…»

Операция длилась десять часов. После того, как больная была отправлена в отделение, доктор Николау, не предупредив никого, покинул больницу.

Через несколько дней был назначен консилиум. Катсаридис пригласил и несколько частных хирургов-ортопедов, проявивших большую заинтересованность к данному медицинскому случаю. Больная, которой всё ещё был предписан полный покой, счастливо улыбалась. Из всех врачей, столпившихся возле её кровати, она не спускала взгляда с Николау, глядя на него словно на бога. Люди в белых халатах пе-

редавали друг другу рентгеновские снимки, данные томографии и анализов. В дремучем потоке непонятных терминов, женщина всё же смогла разобрать одобрительные реплики по поводу проведённой операции, да и само её состояние – полное отсутствие болей – говорило ей само за себя. В конце их беседы главврач торжественно пожал руку доктору Николау:

– Поздравляю вас! Операция была проведена блестяще!

И тут госпожа Иродоту с удивлением заметила, как лицо одного из врачей, стоящего как раз позади оперировавшего её доктора, вдруг резко исказилось и превратилось в полную ненависти маску.

Процесс реабилитации проходил гладко и ускоренными темпами. Закончив курс физиотерапии, больная была выписана домой. Вскоре по всему Пафосу разлетелась весть, что в государственной клинике появился хирург от бога. Немалый и без того поток пациентов увеличился вдвое. Все больные, стоящие по записи на плановую операцию, непременно хотели попасть к доктору Антониосу Николау. Многие пытались сделать это через хорошие денежные возношения, но, судя по всему, доктор в деньгах особо не нуждался (либо был крайне принципиальным, клиника-то была общественная) и от конвертиков крайне невежливо отказывался. Впрочем, работал он и так за троих, сутками не выходя из операционной. Многие всерьёз начинали подумывать, что

странный доктор просто вовсе не нуждается во сне. «Робот какой-то!» – говорили те, кто всё ещё относился к нему с недоброжелательством, несмотря на его явные таланты.

Глава VIII

– Это просто невыносимо! – Ставрос Васильядис должен был в очередной раз выпустить пар, эмоции били через край. – Вы сделали из него просто идола какого-то! Нет, ну я понимаю, больные – на то они и больные, что ничего не соображают. Что один скажет, другой повторяет – просто стадо баранов! Но мы-то, мы – разумные люди, должны же понимать, что один человек не в силах совершать чудеса! И потом, в конце концов, существуют же удачно прошедшие операции и не очень. И это совершенно естественно!

– Ставрос, Ставрос! – усталым голосом прервала этот бесконечный поток возмущения София. – Ну, признайся себе, что ты просто ему завидуешь. Он гениальный хирург, и с этим не поспоришь!

Последовала длительная пауза, в течение которой Ставрос долго смотрел на женщину сузившимися от обиды глазами.

– Ну, хорошо, – наконец медленно произнёс он, – а если так, то как тогда объясняется тот факт, что этот почтенного возраста джентльмен не прославился своими талантами ранее? Почему тогда никто ничего про него не знает?

– Вот именно: никто, ничего! Мы просто ничего не знаем про его прошлое, а, скорей всего, он и раньше был известен. Просто, возможно, не здесь на Кипре. Ты обратил внимание,

какой у него хороший английский акцент? Скорей всего, он прожил свою жизнь за границей, и уж там, поверь мне, про него наслышаны! Талант не появляется в шестьдесят лет!

Ставрос задумчиво замолчал. Казалось, он наконец-то смирился с доводами Софии. После длительной паузы он произнёс нечто, что показалось ей совсем не к месту, но, видимо, являлось продолжением его мыслей:

– Личные дела всех медработников, кажется, находятся в кабинете Катсаридиса?

– Думаю, да… – озадаченно ответила София, – а, впрочем, нет! Он же недавно распорядился подготовить ему отдельный шкаф в архиве, судя по всему, специально для этих нужд: не желает, видите ли, запылять свое личное пространство. А зачем тебе это?

– Тем лучше, – хитровато ответил тот, – всё-таки в архив как-то менее неловко залезать, чем в личный кабинет начальника!

– А зачем тебе вообще куда-то залезать? – София уже начинала чувствовать раздражение: в последнее время Ставрос становился всё нелепее в её глазах.

– А затем, чтобы, моя дорогая, ты наконец-то смогла утолить свою жажду узнать о прошлом нашего необыкновенного доктора Николау!

Глаза молодой женщины совершенно округлились, и она в полном замешательстве уставилась на Ставроса.

– Ты собираешься копаться в его личном файле?! И что же ты там надеешься найти?

– Возможно, подтверждение твоих слов: что он долгое время работал за границей и имеет великолепный послужной список. А возможно… – тут злой огонёк блеснул в его глазах, – во всяком случае, мы приоткроем завесу над тайным прошлым этой «тёмной лошадки». А то, что с ним не всё в порядке, это уж ты мне поверь на слово!

София вдруг почувствовала, как её охватило лёгкое щекочущее чувство таинственности, и она заинтересованно улыбнулась.

– Ну что ж, мистер Шерлок Холмс, когда же мы осуществим эту операцию?

– Дай мне немного времени, я должен найти способ, как попасть в архив без взламывания дверей! – ответил довольный собой Ставрос и, уже совершенно держа себя в руках, вышел из кабинета.

Прошло почти две недели, прежде чем их совместное ночное дежурство снова совпало. Ещё в начале смены Ставрос, хитро улыбаясь, шепнул ей на ухо, что сегодня откроется «одна из величайших тайн нашего века». После вечернего обхода, когда всё постепенно успокоилось и отделение погрузилось в сон, они с Софией потихоньку спустились в подвал, и Ставрос бесшумно открыл архивную дверь.

– Где ты раздобыл ключ? – тихо шепнула ему девушка.

– Это уже неважно, – так же тихо ответил он.

Они осторожно вошли вовнутрь, и мужчина уверенно направился в правый угол, где располагался один из множественных и одинаковых с виду шкафов, находящихся в этом помещении. С лёгкостью открыв ключом него, он принялся торопливыми движениями вытаскивать один за другим файлы. Видно было, что его охватил охотничий азарт. Он вёл себя как гончая, которая напала на след добычи. София, также охваченная жгучим любопытством, всё же почувствовала некоторую жалость к «добыче», которую из себя представлял в данный момент доктор Николау, и искоса наблюдала за движениями Ставроса, ожидая, когда он, наконец, найдёт нужный файл. Через несколько минут его поиски увенчались успехом, и он победоносно понёс папку к свету, чтобы легче было прочесть.

– Так, так, так, так… посмотрим… – удовлетворённо забормотал он себе под нос, – личные данные: Антониос Николас Николау, дата рождения… – тут он резко осёкся и пристально вперился взглядом в текст. – Чёрт побери! Этого просто не может быть! – изумлённо воскликнул он.

– Что? Что там? – умирая от любопытства, начала трясти его за рукав София.

– Он старше меня всего на шесть лет! Можешь ты себе такое представить?! – несколько покоробленным голосом объявил мужчина.

София, которая присутствовала месяц назад на тридцати-

девятилетии Ставроса, честно отрицательно замотала головой:

– Не могу.

– Да он же выглядит как шестидесятилетний старик! – не унимался Ставрос – Моему папаше шестьдесят пять, так они как ровесники будут рядом!

– Может быть, просто это ты так хорошо сохранился? – немного неуверенным тоном польстила ему София.

– Ты хочешь этим сказать, что я уже не первой молодости?! – начал кипятиться не на шутку тот.

– Постой! – решила перевести тему молодая женщина. – Давай посмотрим, что там ещё пишется!

Ставрос хмуро закусил губу и начал нервными движениями переворачивать страницы, время от времени читая вслух написанное.

– Ну и ничего особенного! – буркнул под конец он. – Жил твой Николау, в основном, на Кипре, только последние два года то в Греции, то в Австралии прохлаждался.

И он небрежным жестом сунул файл в руки Софии. Мужчина остался недоволен результатом своих поисков. Его ожидания узнать о чём-нибудь скандальном избнографии Николау явно не увенчались успехом: везде обозначалось, что тот оставлял все свои служебные места по собственному желанию, без каких-нибудь особенных пометок. И вот ещё этот открывшийся факт о возрасте его врага, который поверг Ставроса в полное уныние! Мало того, что противный стари-

кашка оказался вовсе не старикашкой, а человеком его поколения, так теперь стало ещё обиднее, с какой разницей к ним относятся их коллеги, и, что самое главное, как с ним церемонится Катсаридис, в то время как Ставрос в глазах главврача является всего-навсего мелкой сошкой. «Ну и насколько у него больший опыт? Всего на пару лет! А ведь я намного дольше работаю в этой клинике!» – расстроенно думал он.

– Ставрос! Ставрос! – позвала его всё ещё не потерявшая интерес к делу София. – Ну, это же прекрасно, что он жил по большей части на Кипре. Теперь нам точно удастся раскопать что-нибудь весёленькое! Смотри, он из Ларнаки, был женат, разведён… значит, семья у него всё-таки есть! Так что же он здесь делает в гордом одиночестве? Нет, я, пожалуй, дойду до конца этой истории! Завтра же позвоню своей двоюродной сестре, она у меня в Ларнаке как раз и живёт, и чего-нибудь уж точно раскопаю!

Ставрос только безучастно махнул рукой: личная жизнь Николау интересовала его гораздо меньше, чем неоправдавшиеся надежды на грязные пятна в карьере недруга.

Глава IX

Элени напрасно пыталась подстроить свой график под дежурства хирурга Антониоса Николау. С тех пор как она по личной просьбе перевелась из терапевтического отделения в ортопедическое, девушка неустанно опекала странного нелюдимого доктора, что являлось делом далеко не простым. Человек, жаждущий постоянного одиночества, разумеется, не принимал и её скромную компанию, так что следить за ним Элени приходилось тайно. Таким образом, её дежурства стали вдвойне обременительными: в её заботе нуждались теперь не только больные, но, как она свято верила, и сам врач. Договориться со старшей медсестрой ещё, впрочем, не составляло проблемы. Никто из среднего медицинского персонала особенно не рвался работать в смену Николау, слишком уж взыскательным и строгим он был. Но вот его необычная привычка оставаться в больнице сверх своего нормированного графика доставляла Элени немало хлопот. Девушка ужасно переживала, что очередной припадок с ним может случиться в её отсутствие, и это вызовет ещё больше злых пересудов в его адрес. В его нерабочие дни контролировать ситуацию не представлялось возможным вообще: поселиться рядом с ним она никак не могла, слишком элитным считался жилой комплекс, находящийся на побережье, где он жил, и поэтому эту мысль пришлось в конце концов

оставить. Но даже в это время Антониос Николау постоянно оставался в её голове. Жалость, которую вызывал в ней несчастный доктор, была столь острой и эмоциональной, так заполняла всю её насквозь, что иногда наводила на мысли, совершенно чуждые ей: уж не влюблена ли она? Но, быстро отмахнувшись от нежелательных предположений, она обычно находила себе оправдание в том, что это любовь к человечеству движет ею и заставляет так живо принимать участие в судьбе страждущего. А то, что Антониос нёс свой некий тяжёлый крест, для неё не оставляло сомнений. Иногда ей просто хотелось подойти к нему, заглянуть в глаза и сказать, что она готова сделать всё, чтобы разделить с ним эту ношу. Но Элени не была любопытным человеком и порицала эту черту в других, а вероятность того, что доктор просто примет её за одну из тех, кто из праздного любопытства лезет в душу, а потом трезвонит и сплетничает по всей округе, была стопроцентной. К тому же сам доктор уже стал несколько замечать частое её присутствие рядом с ним и иногда бросал на неё озабоченные взгляды, полные недоумения. Элени же была сама тактичность – она появлялась словно тень в те самые моменты, когда у доктора случался очередной, хоть и нечастый, пароксизм, помогала ему прийти в себя и никогда ни о чём не спрашивала. И всё же иногда, где-то в самой глубине её души проступало знание… Но она тут же отгоняла непрошеные догадки как можно дальше. Жизнь была такой непостижимой, иногда непредсказуемо дивной, иногда

необъяснимо жестокой, и не ей было судить о неисповедимости путей Господних!..

…Антониос Николау подъехал к своему привычному месту стоянки на больничной парковке. С правой стороны уже стояла чья-то машина, и доктор педантично подровнял свою собственную под уже стоящую рядом. Выключив зажигание, он аккуратно открыл переднюю дверь, чтобы не задеть соседний «мерседес», и уже собирался выйти, как вдруг какое-то неясное тревожное чувство, появившееся внезапно неизвестно откуда, парализовало его на месте. Уткнувшись взглядом в тёмно-вишнёвый бок чужого автомобиля, он беспомощно ощущал приближение паники, сопровождающейся звуком тихо позвякивающих колокольчиков. В смятенном мозгу хаотически крутились какие-то путаные мысли. Одна из них навязчиво выступала вперёд и постепенно оформлялась в какую-то безумную идею: машина! Это же та его машина! Тёмно-вишнёвый «мерседес» с тонированными стеклами! Ему дают второй шанс!!! Слёзы бесконечной благодарности заструились по его лицу. Только бы взять себя в руки и оторваться от сидения, преодолеть этот парализующий страх, и тогда придёт спасение!!! От сильного внутреннего напряжения пот проступил по всему его телу и руки сжались в железные кулаки. Невероятным усилием воли он рванул себя наружу и схватился за дверцу «мерседеса». Но тщетно, автомобиль был закрыт на ключ. Не теряя ни секунды, он начал дергать одну за другой все четыре дверцы. Он

должен, должен открыть её, только бы открыть её, и тогда он всё исправит!!! Он сумеет всё исправить!!!

… Чьи-то нежные успокаивающие руки обхватили его и потянули прочь… Резко почувствовав навалившееся изнеможение, он вяло поддался и подчинился чужой воле. Окончательно придя в чувство только лишь в ординаторской, он равнодушно осознал, что находится здесь благодаря всё той же медсестре, которую он замечал каждый раз, приходя в себя после очередных галлюцинаций… Трудно было более верить, что она здесь находится случайно. Антониос апатично уставился ей в лицо, устало пытаясь понять, что же она, в конце концов, знает. Ему совершенно необходимо было остаться наедине с самим собой.

Элени, снова уловив полный подозрения взгляд доктора, пододвинула к нему поближе стакан с водой и поспешила выйти из комнаты. Тяжело поднявшись со стула, он подошёл к умывальнику и вылил прохладное содержимое стеклянной ёмкости себе на голову. Вытирая ладонями лицо и отбрасывая назад мокрые пряди седых волос, он взглянул на себя в зеркало. На него смотрело уставшее, измождённое лицо с мёртвыми неподвижными глазами. Некогда привлекательные мужские черты превратились в неживую маску страдальца. Потеряв интерес к своей персоне, он увидел внутренним взором перед собой умиротворённое лицо Элени с сияющим добрым взглядом. Эта девушка была воплощением его ангела-хранителя. Не имея возможности оградить его

от мучений и кошмарных видений, она всё же облегчала их неким образом, появляясь в самый необходимый момент… Какая-то чересчур натянувшаяся струнка лопнула в его душе, и, словно, наконец, сдавшись, ему вдруг внезапно захотелось, чтобы она всё знала… Мысль о том, что он может разделить свою ношу с полным понимания человеком, приносила отдалённое чувство освобождения… Медленно приводя себя в порядок и думая об Элени, он почувствовал, как два других женских образа проступают в её облике. Немного сосредоточившись, он увидел нежное личико и хрупкую фигурку Анастасии, и давно забытое тёплое чувство затопило его. Как давно уже он не вспоминал о ней, единственной любви своей!..

Но была ещё одна женщина, стоявшая тенью в его памяти… Евгения была анестезиологом в его клинике в Ларнаке. Молодая двадцатисемилетняя девушка лишь недавно вернулась из Англии, где после учёбы несколько лет стажировалась. Попав по протекции дяди в лучшую частную клинику города, в которой работал Антониос, она сразу проявила себя ответственным и толковым медработником. Своей серьёзностью и самоотверженным отношением к работе она с самого начала расположила к себе Антониоса. Практически все операции им приходилось вести вместе. Несмотря на возраст и на не слишком большой опыт, он доверял ей гораздо больше, чем кому-либо другому. Евгения же, со своей стороны, улавливала каждый жест и каждый взгляд доктора,

понимая его без слов. Уравновешенная и немногословная, она распространяла вокруг себя ту самую спокойную нейтральную атмосферу, которая составляла зону комфорта Антониоса. В её присутствии он всегда чувствовал себя как рыба в воде. Иногда, после особо тяжёлой операции, они могли долго молча стоять рядом и глядеть в окно: на небо, деревья и всё, что олицетворяло собой этот мир. Над ними словно зависала невидимая пелена сконцентрированной энергии, излучаемой удовлетворением от любимой работы и сладостной усталостью.

Существовала и ещё одна деталь, которую Антониос долго пытался отрицать самому себе: взгляд девушки был один в один схож со взглядом Анастасии. Возможно, тому виной был всего лишь едва уловимый страбизм, но Антониосу всегда казалось, что подобный взгляд устремлён ему прямо в душу.

Евгения была откровенно влюблена в него, хотя он был последним, кто замечал это.

Незадолго до того злосчастного дня он впервые позволил себе допустить мысль, что Господь послал ему вторую Анастасию. Смутное предчувствие зарождения новых чувств ещё больше усилило внутренний дискомфорт при возвращении из клиники домой к жене. Нелюбимая женщина, с которой он был связан узами брака, казалось, делала всё, чтобы атмосфера в их семье с каждым днём становилась всё тягостнее и напряжённее. Её нарастающие претензии, выражаемые

частыми истериками и вульгарными скандалами, интеллигентный и сдержанный Антониос переносил с большим трудом, но заговаривать о разводе, казалось, было совершенно бесполезно. А в центре всего этого вулкана стоял сын…

Ребёнок всегда вызывал у него смешанные чувства. Николас родился, когда Антониос был уже в достаточно зрелом возрасте, чтобы оценить всю значимость понятия продолжение рода. Появление позднего ребёнка действительно разбудило в нём все те отцовские чувства, на которые он вообще был способен. Но, по иронии судьбы, сын, казалось, не унаследовал от него ни единой черты и не выказывал ни малейших признаков того, что когда-нибудь сможет разделить с ним его интересы. Иной раз, воодушевляясь, Антониос пытался заниматься развитием Николаса. Показывал ему разных насекомых, паучков и муравьёв, объясняя их строение и образ жизни. Но ребёнок в ответ только испуганно таращил на него свои огромные глазищи и всем своим видом говорил, что через минуту расплачется то ли от гадливости, то ли от того напора, с которым отец вводил его в общий курс зоологии. Обычно в такие моменты рядом, как назло, оказывалась Андри, которая хватала малыша в охапку и с возмущённым видом, словно наседка, спасающая от кота своего единственного цыплёнка, уносила прочь. Такое поведение жены и сына ещё больше остужало желание Антони – оса принимать какое-либо участие в воспитании малыша и мешало выстроить дружеские отношения с Николасом. Ему виделось, что

мальчик растёт слишком слабохарактерным и зависимым от матери. От неумения завязать отношения с сыном Антониос, по большей части, испытывал чувство растерянности и раздражения – характером мальчика, а также тем, что ребёнок уж слишком был похож на жену. Он совсем не замечал, что Николас искренне тянется к нему, но в своём восхищении перед суровым образом родителя побаивается его и чувствует себя неуверенно. В то же время мальчик радовался любому знаку внимания со стороны отца и в то роковое утро был совершенно счастлив, что в садик его отвозит папа…

…Евгения перестала существовать в его жизни в тот момент, когда поневоле стала для него вестником смерти. По его просьбе она отправилась к машине и, к своему несчастью, оказалась первым человеком, рассказавшим ему о случившемся. Бедная девушка оказалась без вины виноватой и долгое время мучилась от того, что не могла понять, за что же он так резко к ней переменился. Ей казалось, что именно сейчас её искренняя любовь и сочувствие помогут им сблизиться. Антониос же навсегда от неё отдалился и наглухо закрылся в своём горе, словно вынося себе приговор: недостоин любви… Зарождавшееся чувство было похоронено вместе со смертью сына…

Глава X

На следующий же день после их совместного со Ставросом расследования София бросилась звонить Стелле, своей двоюродной сестре, проживающей с семьёй в Ларнаке. Не то чтобы она рассчитывала, что ей сразу же удастся узнать всю подноготную жизни доктора Николау, но шансы, что рано или поздно ниточка общих знакомых сомкнётся, всё же были. Стелла внимательно выслушала просьбу родственницы и пообещала расспросить всех своих приятельниц о вышеупомянутом хирурге.

Несколько дней София в нетерпении ждала новостей, и вот где-то через неделю двоюродная сестра снова позвонила ей. Была пятница, и близились выходные. Стелла загадочным тоном объявила Софии, что ей есть что рассказать и что та будет просто в шоке, но по телефону говорить о чём-либо отказывалась, зазывая её в гости в субботний вечер. Любопытство Софии к тому времени уже находилось в своём кульминационном моменте, и она немедленно приняла приглашение. К тому же кузина обещала кое-что передать (некое вещественное доказательство) в дополнение к своему рассказу.

…Возвращалась София из Ларнаки, полная триумфа. Всю дорогу она довольно поглядывала на лежащую на сосед-

нем сидении машины газету, которую ей торжественно вручила Стелла. От мысли о том, какую «бомбу» она везёт с собой в их тихий, устоявшийся больничный быт, даже слегка щекотало под ложечкой. Она с удовольствием представляла себе лицо удивлённого Ставроса (который к этому времени уже потерял всякий интерес к Николау и только тихо ему завидовал, отказываясь больше о нём говорить), когда даст ему прочитать ту статью в газете. Ставрос надеялся найти компромат в сфере профессиональной деятельности странного доктора и ошибся: тут-то, как раз-так и, всё было чисто, человек был гением своего дела. Но София, доверяя своему женскому чутью, знала, где нужно копать. Она чувствовала – скелет в шкафу относится к частной жизни доктора. Недаром ещё Сула Хаджикириаку отметила: на Кипре, где все практически друг друга знают по принципу «двух-трёх рукопожатий», просто не может жить киприот, не имеющий хоть каких-нибудь родственников.

София смутно припоминала ту нашумевшую историю. Она, как и все тогда, была шокирована случившимся. Подобные вещи обычно случаются в Америке или где-либо ещё. Но только не на маленьком уютном Кипре. Впрочем, шумиха вокруг того дела быстро улеглась и всё забылось, так как по какой-то неизвестной причине журналисты больше не развивали эту скандальную тему в местной прессе. Теперь же София чувствовала себя если уж не первооткрывателем, то, по меньшей мере, археологом, которому посчастливилось

откопать останки Атлантиды. Предвкушая переполох, который она произведёт в клинике своими изысканиями, девушка нетерпеливо принялась набирать номер телефона Ставроса.

* * *

… Элени бежала подлинному светлому коридору больницы. Было раннее утро, и скоро должна была меняться смена. Ей казалось, что реальность повторяется и когда-то уже она точно так же торопилась и металась в поисках доктора, чтобы привести его к больному, которому стало плохо. Но на этот раз она твёрдо знала, куда она бежит и кого ищет. Ещё ни разу не было, чтобы она не могла привести доктора Николау по первому требованию больного. Впрочем, забежав в ординаторскую, она явственно почувствовала на себе силу «дежавю»: в комнате действительно было пусто. Взглянув на часы, она догадалась, что обход уже начался и доктор передаёт смену другому врачу в какой-нибудь из палат. Элени ещё раз внимательно обвела взглядом полутёмную комнату перед тем, как закрыть дверь, и тут внимание её привлекла раскрытая газета, сиротливо лежащая на столе, словно на всеобщее обозрение. Элени неуверенно замялась у двери, но, почувствовав какой-то внутренний толчок, быстро подошла и, включив настольную лампу, взяла её в руки. В ту же секунду сердце её бешено заколотилось и, медленно шевеля губами,

она прочитала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.